

«СЕЙЧАС ЗАПРОСЫ НЕМНОЖЕЧКО ДРУГИЕ»: ВОСПРИЯТИЕ КВИР-ПЕРСОНАЖЕЙ В КИНО РОССИЙСКИМИ ЗРИТЕЛЯМИ

Даниил Алексеев, Максим Мальков

Даниил Алексеев, независимый исследователь, Россия. dsalekseev@hse.ru.

Максим Мальков, независимый исследователь, Россия. mdmalkov@universitas.ru.

Мы выражаем благодарность Полине Кислицыной за советы и важные замечания, высказанные ею в ходе нашей работы над статьей.

В статье исследуется восприятие молодыми российскими зрителями негетеросексуальных киноперсонажей. В работе мы задаемся вопросом: на каких аспектах репрезентации квир-персонажей в кино делается акцент молодыми российскими зрителями с гетеросексуальной и квир-идентичностью в свете собственного сексуального опыта зрителей и политического контекста, в котором зрители находятся? На основе методов качественного анализа, включающих полуструктурированные интервью с 14 молодыми людьми из Москвы, в исследовании рассматривается связь между личным опытом зрителей и их интерпретацией квир-образов в фильмах и сериалах. Нас интересует, как зрители декодируют нарративы о негетеросексуальных персонажах в кино. С опорой на концепты гетеронормативности и гомонормативности мы выделяем два типа репрезентации, которые, однако, не являются универсальными. В разных географических и социальных обстоятельствах эти категории могут трансформироваться и отражать разную связь политического контекста и опыта репрезентируемых групп. Гетеросексуальные зрители критически относятся к гетеронормативным образам, которые предполагают субординацию квир-персонажей, однако в меньшей степени критичны в отношении гомонормативной репрезентации. В отличие от них, квир-зрители критикуют оба типа репрезентации, выявляя несоответствие между кинонарративами и реальностью их жизни. Они выражают желание видеть в кино более близкие к аутентичным и более разнообразные образы, выходящие за рамки распространенных тропов трагичности и инаковости. Кроме того, в работе отмечается ограничение концептуального аппарата западных теоретиков применительно к российскому контексту. Так, элементы гомонормативной репрезентации, маркированные как деполитизирующие в американском контексте, приобретают в России политический заряд.

Ключевые слова: репрезентация; миф; гетеронормативность; гомонормативность; кинематограф; квир; медиа

ВВЕДЕНИЕ

В центре анализа в статье – квир-репрезентации в кино и то, что о них думают и говорят российские зрители¹. В первой части работы мы концептуализируем репрезентацию в кино как миф, делая акцент на ключевой функции мифа – стремлении к натурализации, попытке утвердить себя как нечто реалистичное, отражающее аутентичный опыт репрезентируемых. Несмотря на очевидную сконструированность образов в кино, репрезентация-миф может становиться ресурсом для оценки собственного опыта и опыта других. Это делает разговор о репрезентации не столько разговором о кино (и о том, как и с помощью каких средств передается тот или иной опыт), сколько дискуссией о контексте, в котором это кино просматривается, осмысляется, обсуждается, критикуется и, в конечном счете, оседает как отражение реальных практик людей. Как указывает Стюарт Холл, восприятие реальных практик людей медируется через культурные тексты (Hall 1997). Это означает, что медиаландшафт может оказывать влияние на то, как мыслят различные социальные группы и как люди внутри этих групп могут мыслить сами себя.

Следует отметить, что мы не обсуждаем конкретные репрезентации прицельно, не стремимся проследить трансформацию квир-образов в российском кино или выяснить, как репрезентации влияют на восприятие негетеросексуальных людей ими самими и гетеросексуальными людьми (Madžarević and Soto-Sanfiel 2018). Наша задача скромнее: мы стремимся очертить тот спектр тем и дискуссий, которые возникают при обсуждении российскими зрителями квир-кино. Почему это кажется важным? Мы попытаемся показать, что разговор об «идеальной», максимально аутентичной репрезентации – если и возможный, все-таки нескончаемый разговор. Множественность опыта, наложение различных оптик, контекстов и констелляций человеческих характеристик не позволяет с уверенностью говорить, что подобные аутентичные репрезентации могут существовать. Следовательно, мы не будем говорить, что такое «хорошая» или «плохая» репрезентация. Однако разговор о репрезентации может быть продуктивным на другом уровне анализа – на уровне тех акцентов, которые представляют зрители при обсуждении и оценке квир-репрезентаций, увиденных ими в кино. Связывают ли они эти образы со своим опытом или опытом других,

---

¹ Слова «квир», «негетеросексуальный», «гомосексуальный» используются как синонимичные. Некоторые теоретики призывают различать эти категории, однако в нашем исследовании в первую очередь важно наличие опыта, выходящего за рамки гетеросексуального. Слово «квир» мы используем как зонтичный термин, отражающий все возможные варианты негетеросексуального опыта, под термином «квир-персонаж» мы понимаем героя фильма/сериала, чья сексуальность отлична от гетеросексуальной. Важно указать, что за редкими исключениями наши информанты говорили в первую очередь о гомосексуальных мужчинах и женщинах в кино (иногда приравнивая ЛГБТ к гомосексуальности), хотя в вопросах мы не задавали такие строгие рамки и использовали по преимуществу формулировки вроде «негетеросексуальный персонаж». Мы понимаем возможные искажения, которые могут сопутствовать подобной терминологии, однако осознанно не оперируем строгими различиями. О проблемах языка описания в исследованиях гендера и сексуальности см. Eliason (2014), Thorne et al. (2019).

по каким критериями оценивают (и оценивают ли вообще) правдоподобность репрезентации, о чем спорят и дискутируют с друзьями, когда в центре обсуждения ставится квир-персонаж?

В работе мы выделяем два магистральных мифа, которые могут структурировать дискуссии вокруг квир-репрезентаций: гетеронормативный и гомонормативный. Мы описываем те характеристики, которые могут быть присущи этим мифам, и демонстрируем их релевантность прежде всего для западного (преимущественно американского) контекста. В зависимости от географического, политического, социального контекстов представления о нормативности будут различаться, что не позволяет беспрепятственно использовать различие гетеро-/гомонормативности для дискуссий о восприятии квир-репрезентации в России. С одной стороны, это означает, что те репрезентации, которые оцениваются как правдоподобные в одном социополитическом контексте, будут маркироваться как нереалистичные в другом. С другой – та репрезентация, что в одном контексте будет маркирована как гетеронормативная, в другом может быть отнесена к гомонормативной, либо вообще ускользнуть от определения и не вписываться ни в одну из этих двух категорий. В работе мы кратко описываем тот контекст, в котором в России смотрят и обсуждают квир-кино², и пытаемся проследить связь между этим контекстом и сюжетами, возникающими в интервью с информантами.

КВИР-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАК ГЕТЕРОНОРМАТИВНЫЕ И ГОМОНОРМАТИВНЫЕ МИФЫ

В российском публичном дискурсе фигура квир-людей подчас демонизируется (Пронкина 2016), однако в условиях глобальности потребление не ограничивается только отечественными медиапродуктами. Одним из источников альтернатив-

---

² Следует отметить стремительную изменчивость этого контекста: например, введение новых запретительных законов, удаление гомосексуальных сцен из фильмов в прокате и онлайн-кинотеатрах, открытие уголовных дел против издательств, которые печатают литературу, связанную с квир-тематикой. Многие онлайн-кинотеатры получили штрафы за демонстрацию так называемых нетрадиционных сексуальных отношений, были вынуждены установить новые возрастные маркировки или совсем удалить фильмы, где есть гомосексуальные сюжетные линии. Исключение фрагментов с ЛГБТ иногда диктовалось самоцензурой и было инициировано самими платформами (Палий 2023). Впрочем, такую проактивность можно объяснить: согласно данным Росфинмониторинга (<https://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>) за 2024 год, «международное общественное движение ЛГБТ» объявлено экстремистской организацией в России. Такие интервенции, как удаление онлайн-кинотеатром «Амедиатека» всех квир-сцен из известного сериала «Эйфория» или закрашивание черным отрывков текста, в которых описываются гомосексуальные отношения, в таких произведениях, как биография Пазолини, выпущенная издательством «АСТ», – имеют как минимум одно очевидное следствие: еще более широкое освещение этих кейсов и привлечение внимания аудитории (которая без труда сможет посмотреть оригинальную версию сериала или прочитать обо всех подробностях личной жизни режиссера). Цензурирование в ситуации доступа к глобальному интернету создает эффекты, обратные задачам государства, превращая цензурированные объекты в арт-объекты, в «артефакты эпохи и атрибуты перформанса» (Белоусов 2024). Однако это не отменяет урона, который наносят такие запретительные меры.

ной репрезентации квир-людей становится кинематограф: он предлагает большую вариативность черт и образов квир-персонажей. Тем не менее даже в условиях разнообразия репрезентация квир-персонажей с неизбежностью фреймируется определенным способом, что приводит к возникновению типичных нарративов и стереотипных способов осмысления квир-опыта. На основе исследований возможно выделить некоторые распространенные образы квир-персонажей в кинематографе. Частой практикой является инверсия черт, когда гомосексуальным мужчинам приписываются феминные атрибуты, а гомосексуальным женщинам – маскулинные (Raley and Lucas 2006). Еще одна тенденция – маркирование негетеросексуальных персонажей как перверсивных Других и их дегуманизация. Так, Эмбер Райли и Дженнифер Лукас полагают, что стереотипные образы квир-людей включают комичных клоунов, психически больных, развратителей детей и вампиров (Raley and Lucas 2006:23). Кайлоу-Патрик Харт отмечает, что вплоть до конца XX века производители кино- и телепродукции редко демонстрировали квир-людей в позитивном ключе (Hart 2000). Подобная репрезентация субординирует квир-персонажей, высмеивает и исключает их из области «нормального». Это согласуется с позицией Сары Ахмед, которая полагает, что квир-опыт в популярном дискурсе часто становится сопряжен с неудачей и невозможностью счастья (Ahmed 2010).

Вместе с тем в глобальном кинематографе существуют и фильмы, которые стремятся более разнообразно отразить квир-опыт и/или нормализовать квир-персон, показывая их в ином, менее стереотипизирующем свете. Так, Барбара Меннел указывает на появление в конце XX века медиапродуктов, в которых создатели отходят от указанных выше стереотипов (Mennel 2012). За последние двадцать пять лет в киноиндустрии возникало множество альтернативных форм репрезентации, в которых отражались различные географические/исторические контексты (Horvat and Kelly 2023), кроме того, многие квир-фильмы выигрывали на фестивалях, получали престижные премии и тому подобное, что позволяет (по крайней мере в западном контексте), говорить о квир-кино как о мейнстримном (Jones and Juett 2010). В то же время новый кинематограф может формировать новые сегрегирующие структуры, например изображая на экранах преимущественно белых гомосексуалов среднего класса или исключая опыт асексуальности (Mennel 2012). Таким образом, изображение квир-людей, даже когда оно порывает с эксплицитно дискриминационными стереотипами, может оставаться нерепрезентативным для настоящего опыта действительных квир-людей.

Для изучения восприятия репрезентации мы опираемся на работы Ролана Барта и Стюарта Холла, в которых дается анализ культурных текстов и их имплицитных смыслов (Барт 2008; Hall 1989, 1997). Репрезентация всегда является смещением, определенным искажением действительности и обладает дополнительным значением по отношению к репрезентируемому. Барт, опираясь на модель Фердинанда де Соссюра, называет мифом вторичную семиотическую систему, где знак является сущностью, синтезирующей означаемое (понятие) и означающее (образ, физическое воплощение). Функцией мифа является натурализация концепта; знак обретает новое значение в мифе. То, что имело свою

форму и свой смысл, деформируется и превращается в мифе в пустую оболочку, которую заполняет концепт – новое означаемое, и таким образом скрывается то, что раньше было означаемым. Соответственно, миф добавляет к знаку новый смысл, пытаясь выдать его за естественный (Барт 2008:267–279). В таком случае квир-образ в кино обладает характеристиками мифа – реальный опыт квир-людей деформируется и наполняется новыми значениями, коннотациями. Для нас также важен тот факт, что миф стремится натурализовать себя, то есть создать видимость непроблематичной реалистичности – репрезентации квир-людей в такой оптике не просто в разной степени могут «отражать» или «передать» реальный опыт, но и воздействовать на зрителей, выдавая образы в кино за реально существующие. Поэтому, как указывает Холл, репрезентация всегда вписана в систему властных отношений (Hall 1989). Однако мы не предлагаем понимать миф как инвариантную и универсальную систему репрезентации. Напротив, если обратиться к текстам Барта, будет ясно, что образуемые мифом наборы значений оказываются осмысленными только в рамках определенного контекста: например, плакат с чернокожим солдатом французской армии может успешно функционировать в качестве мифа только в сообществе, для которого релеванты проблемы колониального наследия, система армии и, наконец, французское государство. При этом, кажется, мы могли бы систематизировать различные типы квир-репрезентации как мифа с помощью категорий «гетеронормативность» и «гомонормативность» – они представляются продуктивными концептуальными ресурсами для этой задачи.

Термин гетеронормативность обозначает набор институтов и повседневных практик, посредством которых гетеросексуальность становится привилегированной и принимается по умолчанию, то есть нормализуется и натурализуется (Myers and Raymond 2010; Warner 1991). В рамках гетеронормативных дискурсов иные (не-гетеро) сексуальности субординируются и исключаются, маркируются вторичными и неестественными по отношению к гетеросексуальной идентичности (Gross 1991). На основе исследований можно выделить несколько характеристик гетеронормативного мифа в кинематографе: квир-персонажи конструируются как несчастные (*unhappy queer*) (Ahmed 2010), мужские квир-идентичности показываются как феминные, а женские – как маскулинные или гиперсексуализированные (Raley and Lucas 2006; van Meer and Pollmann 2022). Квир-герои зачастую высмеиваются, их унижают другие, они стыдятся своей сексуальности. Причины несчастий так или иначе связаны с сексуальностью персонажей. Сара Ахмед указывает, что «счастье» связано с нормативными категориями: существуют определенные санкционированные способы быть счастливым. Некоторые феномены, например гетеросексуальная нуклеарная семья, по умолчанию означены как приносящие счастье (Ahmed 2010). В то же время есть вещи, которые, как считается, «счастья» лишают – к ним относится и негетеросексуальный опыт. В действительности выделение социальных феноменов, которые классифицируются как «счастливые» или «несчастливые», по мнению Ахмед, – это способ легитимировать актуальные властные отношения и поддержать действующие властные иерархии. В рамках гетеронормативного мифа образы гомосексуаль-

ных мужчин в кино обречены на печаль, грусть, ненависть к себе и изоляцию. Характерным для такой репрезентации является пример Дамблдора: после того, как было объявлено о его гомосексуальности, персонаж появился в комедийном шоу «SNL» в образе секс-маньяка, изолированного и несчастного. Фигура Дамблдора характерна также и потому, что, как отмечает Дастин Гольц, «пожилые» квир-люди лишаются их основного источника счастья и смысла жизни – сексуальности (Goltz 2009:2).

В свою очередь, категория «гомонормативность» может быть вслед за Лизой Дагган определена как неолиберальная сексуальная политика, которая не оспаривает доминирующие гетеронормативные предположения и институты, но стремится к интеграции в них квир-людей, тем самым деполитизируя гей-движение. Такие практики, как требование равенства и признания прав квир-людей на вступление в брак или усыновление, вписаны в неолиберальную модель управления телами и сексуальностями, поскольку они воспроизводят логику расширения рынка, коммерциализации, потребления, приватизации и индивидуальной ответственности. Гомонормативный порядок предлагает негетеросексуальным людям встроиться в уже существующие доминирующие гетеронормативные социальные, политические, экономические институты – например обзавестись легальным супругом (Duggan 2020). По Дагган, эмансипационные движения за права квир-людей и перестройку гендерных иерархий замещаются дискуссией о том, имеют ли те права на усыновление, заключение брака и другие действия, которые гарантированы гетеросексуальным людям по умолчанию. Майкл Уорнер говорит, что политика нормализации работает с помощью стирания «отличительности» квир-персон, которая заключается, например, в «пурификации» (то есть исключении неугодных большинству практик) и десексуализации квир-сообщества. Например, лозунг «Геи – это такие же люди, как и все остальные» на самом деле не учитывает квир-опыт (Warner [1999] 2000). Помимо этого, гомонормативность представляет определенный фиксированный набор паттернов, которые присущи западному белому квир-сообществу из среднего класса, что исключает опыт людей с квир-идентичностью, не подпадающих под эти паттерны. Гомонормативность элиминирует эмансипаторный и радикальный заряд квир-движения, мимикрирует под гетеронормативные институты и дискриминирует маргинализованных внутри квир-сообщества персон.

У гомонормативного мифа две функции: квир-аудитории он предлагает ассимилироваться, встроившись в существующие гетеро-капиталистические институты, а гетеросексуальной аудитории такой миф объясняет, что квир-люди – «такие же люди, как они» (Francis 2021:84). В рамках подобных историй квир-персонажи показываются как благополучные и веселые, они занимаются активным потреблением косметики, одежды, услуг по заботе о себе и т. п. Так, они обладают исключительно социально одобряемыми чертами, ведут «богемную» жизнь и утверждают свою гомосексуальную идентичность в рамках гетеро-патриархальных отношений – например через брак и образование моногамной семьи (Ng 2013). Каминг-аут, в свою очередь, играет определяющую роль в жизни квир-персонажа и фреймируется как всегда положительное и полезное высказывание, которое

нормализует гомосексуальность (Lovelock 2018)³. Другой чертой гомонормативного мифа может быть приватизация сексуальности – исключение (отказ от демонстрирования) сексуальных актов из нарратива, сентиментализация и романтизация секса у гомосексуальных героев (Winterton 2020).

КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КВИР-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Конечно, все квир-образы в кино невозможно уместить в две категории⁴, однако в работе мы фокусируемся на двух магистральных дискурсах, которые представлены в популярной западной культуре и как таковые не проблематизируют сложившиеся гендерные иерархии. Вместе с тем следует указать, что оппозиция «гетеро- vs гомонормативность», которая возникает в западном академическом поле, может трансформироваться в других контекстах. Например, Лин Сонг предлагает категорию «нелиберальная гомонормативность», чтобы описать контекст, в котором существует медиарепрезентация квир-людей в Китае. Он рассматривает проект «Q Dadao» – адаптацию бродвейского американского мюзикла «Avenue Q», в которой обнаруживается сложная взаимосвязь между гомонормативной «западной» репрезентацией и местным социально-политическим контекстом (Song 2021). Как указывает Сонг, «в Китае открытое изображение гомосексуальности подвергается жесткой цензуре, поэтому мюзикл должен избегать явного политического подтекста в бродвейской версии и вместо этого создавать деполитизированный образ гея» (Song 2021:11). Для этого адаптаторы изменяют элементы сюжета и избегают прямых ссылок на гомосексуальность персонажей в рекламных материалах. Это, по мнению Сонга, позволило преодолеть государственную цензуру и успешно воплотить проект. Интерпретаторы подчеркивают «развлекательность» мюзикла (и, следовательно, травестийность), однако в конце шоу зрителям объявляют, что часть денег будет направлена в поддерживающие квир-людей не-

---

³ Необходимость совершать *каминг-аут* (англ. coming out of the closet – буквально «выход из шкафа») была сконструирована в начале XX века, в период криминализации гомосексуальности (Page 2020). Науки о человеческой природе и психоанализ, в основании которых лежала идея о возможности определить нормы и патологии человеческих состояний, сыграли существенную роль в том, что гомосексуальность стала патологизироваться (Lane 2021; Mulhall 2020). При этом исследователи отмечают, что «шкаф» (closet) – это сконструированный в рамках гетеронормативного дискурса концепт (Lane 2021:8), основанный на том, что по умолчанию все люди воспринимаются «обязательно гетеросексуальными» и цисгендерными (Mezey 2008:257). Необходимость выходить из этого состояния «по умолчанию» превращает каминг-аут в длящийся процесс. Эта операция прояснения собственной сексуальности выступает элементом в механизме натурализации бинарности «нормальная гетеросексуальность» vs. «ненормальная гомосексуальность» (Lane 2021). Вместе с тем механизм каминг-аута культурно специфичен. Как полагает Фатима Эль-Таиб, нормативная модель ЛГБТ-идентичности завязана на каминг-ауте и представлена белым западным субъектом (El-Tayeb 2012). Марлон Росс, в свою очередь, называет «шкаф» расистским механизмом, который противопоставляет западного «просвещенного прогрессивного субъекта», открытого в своей сексуальности, «колониальному примитивному субъекту», не совершающему каминг-аут (Ross 2005).

⁴ Для примеров альтернативной репрезентации см. Evans and Gamman (2005), Wood (2004).

коммерческие организации: под маской легкой комедии, как отмечает автор, кроется политическое высказывание. Таким образом, именно деполитизированная квир-репрезентация, которую критикует Лиза Дагган, оказывается возможной стратегией сопротивления репрессивному государству. Так, Сонг призывает отказаться от допущения, что критика гомонормативности универсальна для всякого контекста.

На другое ограничение концепта «гомонормативность» указывает Клинтон Гленн в своем эссе о литовском режиссере Ромасе Забараускасе (Glenn 2020). Автор отмечает, что гомонормативность имплицитно подразумевает стремление бюрократии (и государственных структур в целом) инкорпорировать квир-субъекта в нацию на своих условиях. Однако это может не происходить: «деполитизированные формы гомонормативных национальных субъектов, которые можно найти в западных демократиях, невозможны в современных политических и экономических реалиях восточноевропейских стран» (Glenn 2021:66). Это отражается в фильмах Забараускаса – например, по мнению Гленна, в фильме «Тебе не сбежать из Литвы» хоть главный герой и имеет большой социальный капитал, основной конфликт строится на ощущении того, что «он пойман страной, где он родился, в ловушку» (67). Иными словами, в ситуации, где отношения квир-субъекта со страной не могут быть описаны в категориях принятия/инкорпорации, сама категория гомонормативности теряет свой критический заряд.

При этом представление о монолитном «Западе» и гомогенном западном квир-субъекте, а следовательно, всеохватывающем виде репрезентации, также может быть ошибочным. Джозеп-Мария Санс-Лопес на примере негетеросексуальных мужчин в сельской Испании показывает, как квир-зрители из «западного контекста» оказываются не репрезентированы западными же медиа (Sanz López 2018). Его информанты отмечают, что американские сериалы и фильмы, несмотря на их стереотипизирующий заряд, лучше отражают их опыт, чем местные медиа-продукты. Однако ни те ни другие не соответствуют ожиданиям зрителей: «от старых стереотипов, связанных с ментальными проблемами или СПИДом, до более новых, демонстрирующих крайне сексуализированных и хороших персонажей» (Sanz López 2018:1830–1831) – все эти часто повторяющиеся художественные решения, по мнению собеседников исследователя, не отражали их повседневность. Это также сигнализирует о том, что «старые» гетеронормативные тропы не замещаются новыми: для зрителей они скорее существуют параллельно. Однако наиболее любопытным наблюдением автора представляется парадоксальная двойственность, с которой испанские мужчины описывали свое отношение к популярному квир-кино. Европейские/американские образы кажутся им менее стереотипными, однако все равно остаются далекими от их опыта, поскольку не отражают контекст жизни в слабо урбанизированной Испании (1833). Это означает, что между реальным опытом западных квир-субъектов и глобализованным не-олиберальным типом репрезентации, связанным среди прочего с потреблением и крупными мегаполисами, остается напряжение. Анализ Санс-Лопеса показывает, что «глобальная западная гей-идентичность» является неустойчивой умозритель-

ной конструкцией, которая не отражает разнообразие даже западных контекстов (1832). Так, если применить концепт «гомонормативность» не к США, а к иным регионам, мы обнаружим его неоднозначность. Неочевидно, что элементы «гомонормативной» кинорепрезентации подлежат критике на тех же основаниях, которые предлагают квир-теоретики для Соединенных Штатов.

В постсоветском дискурсе, как отмечают Дэн Хили и Брайен Баер, гомосексуальность маркируется либо как атрибут «Запада» и ассоциируется с разложением норм и ценностей, либо как атрибут «Востока», где она отражает примитивность и недостаточную «цивилизованность». Россия же «конструирует себя как альтернативную современность – золотую середину между сверхразвитым Западом и недоразвитым Востоком» (Baer 2009:5). Это отражается в образах квир-героев в российских фильмах начала 2000-х. Таковы, например, персонажи фильма «Я люблю тебя» (2004). Здесь гей-идентичность присваивается либо вестернизированному персонажу Джону, либо участнику любовного треугольника калмыку Улюмджи, который оказывается расиализованным (внутренним) Другим в рамках нарратива. Кевин Мосс также отмечает, что постсоветские режиссеры если и наделяли негетеросексуальным опытом персонажа, то это обычно были люди других национальностей/этничностей (и, как правило, они сексуализировались/экзотизировались). Иначе говоря, квир-субъект мог находиться в России, но не отражать «российскую» идентичность (Moss 2013).

В дальнейшем эти дискурсы стали стабилизироваться и обретать ключевые «узловые точки», вокруг которых формировался разговор о гомосексуальности. Россия стала позиционироваться как последний оплот «традиционных» ценностей, что делалось при активной поддержке Русской православной церкви и увязывалось с моральными и религиозными дискурсами: дискриминационное законодательство должно было остановить «моральное разложение» российских подростков (а впоследствии и всех граждан) со стороны Запада и стать «защитой духовной безопасности России» (Moss 2017:207). Органичным развитием подобной логики стали рестриктивные законы, например запрет так называемой гей-пропаганды, который криминализует «нейтральную или одобрительную» (Kondakov 2019:215) репрезентацию квир-людей и функционирует как механизм государственной цензуры⁵. Этот закон с самого начала являлся серьезной преградой на пути к разнообразной квир-репрезентации в мейнстримных медиа, а в нынешней форме он запрещает всякое упоминание квир-персон в СМИ, которое мо-

---

⁵ В действительности наибольшим эффектом законодательство обладает по отношению к крупным производителям массовых медиа, требующих значительного бюджета и работы многих людей, – таким как кино и сериалы. До последнего времени в стране существовали камерные фестивали кино (как, например, фестиваль «Бок о бок»), частные издательства (например «Porsogn Books») и онлайн-медиа (подкасты «Нараспашку», «Гей-пропаганда 18+» и др.), которые производили квир-контент. Однако теперь, после выхода обновленного закона «о гей-пропаганде», работа этих организаций и сообществ оказалась под гораздо большим давлением. В нашей статье мы не стремимся сделать полный обзор квир-медиа-ландшафта или ЛГБТ-дискурса в России (Пронкина 2016), а концентрируемся на восприятии репрезентации в (массовом) кино и сериалах.

жет быть оценено Роскомнадзором⁶ как, например, вызывающее «интерес к нетрадиционным сексуальным отношениям» или подталкивающее к «изменению негативного отношения на положительное путем навязывания сведений о нетрадиционных сексуальных отношениях». В сущности, подобного рода правотворчество, регулирующее способы говорения о квир-людях в публичном дискурсе, запрещает всякое упоминание о них, если это не эксплицитно негативные высказывания. В такой ситуации, мягко говоря, сложно надеяться на разнообразное изображение квир-персонажей. Несмотря на это, как следует из наших интервью, потребление квир-контента (пусть даже не произведенного в России) не является чем-то необычным среди российских зрителей.

При этом, указывают исследователи, параллельно росту стигматизации и репрессивных законов, в первые десятилетия XXI века происходило развитие низовых инициатив и НКО, связанных с защитой прав квир-людей, а сами способы говорения о негетеросексуальном опыте претерпевали трансформацию. Как пишет Дэн Хили в заключении к сборнику «Queering Russian Media and Culture»:

Насилие совершалось над живыми людьми; некоторые были убиты в ходе «убийств чести» и случайных, злобных преступлений на почве ненависти; другие были изгнаны из своих домов, семей и с рабочих мест. Но ЛГБТК-жители России также получили возможность высказаться, дать отпор и заявить о своем месте в этом враждебном обществе, которое, к счастью или к худшему, является и их домом. И они делают это в информационной среде, которая больше не просто «закрывает» проблемы ЛГБТК как неразборчивые: теперь квир в России становится видимым, противоречивым и все более читаемым (Healey 2022:194).

Говоря об информационной среде, Хили в первую очередь имеет в виду интернет. Как указывает Эмиль Эденборг, наряду с установлением все более жесткого государственного контроля за «традиционными» медиа вроде телевидения и печатных СМИ, в стране происходил «рост фрагментированного и чрезвычайно разнообразного альтернативного медиапространства, расположенного в основном онлайн» (Edenborg 2017:71). В сети все не так однозначно: анализ того, как интернет-СМИ описывают опыт негетеросексуальных мужчин в конце 2010-х, предпринятый Ольгой Андреевских, указывает на попытку создать новый язык для того, чтобы говорить о насилии и негетеронормативном опыте. Квир-маскулинно-

---

⁶ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

сти в анализируемых медиа изображены как «страдающие от устаревших патриархальных стереотипов о мужественности и одновременно преодолевающие их» (Andreevskikh 2023). Другими словами, медиаландшафт к началу третьего десятилетия века в России не был таким уж гомогенным: параллельно существовали разные голоса, которые включали и дискурс о традиционных ценностях, и нарративы об опыте маргинализации негетеросексуальных людей. Однако разнообразие способов говорения о квир-опыте в последние годы непредставимо при серьезной цензуре, подвергающей потенциальному уголовному преследованию всякого, кто попробует публично говорить о квир-людях не в пейоративном ключе на территории Российской Федерации.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВОПРОС И МЕТОДЫ

В предыдущих разделах, обращаясь к категориям гетеро-/гомонормативности, мы выделили два типа репрезентации квир-опыта. Тем не менее, возникшие в рамках западной академии, эти концепты не могут быть беспрепятственно перенесены в другие контексты. Так, гомонормативная репрезентация, оказавшись в незападном сообществе, может обрести политический заряд. Кроме того, работа Санс-Лопеса о гомосексуальных мужчинах в испанской деревне позволяет предположить, что наличие квир-опыта у зрителя может структурировать его/ее восприятие транслируемых образов. Говоря в терминах Барта, для негетеросексуальной аудитории миф может терять свою силу и не натурализоваться.

При анализе эмпирического материала мы задаемся таким вопросом: на каких аспектах репрезентации квир-персонажей в кино делают акцент молодые российские зрители с гетеросексуальной и квир-идентичностью в свете 1) собственного сексуального опыта и 2) политического контекста, в котором они (зрители) находятся. Наш вопрос базируется на двух допущениях. Первое состоит в том, что наличие (или отсутствие) негетеросексуального опыта у зрителя может дать альтернативную оптику восприятия кинообразов, поскольку человек может соотносить опыт персонажа не только с другими репрезентациями, но и со своим опытом. Нас интересует, будут ли информанты проводить параллели между опытом квир-персонажей и собственным и на чем основываются их оценки квир-репрезентации. Потому в исследовании мы разделяем информантов на две группы: людей с квир-опытом и без него. Второе допущение: дихотомия гетеро- и гомонормативного мифов является неустойчивой и может трансформироваться в западных контекстах вроде России. Здесь возникает еще один вопрос: насколько при интерпретации и оценке персонажей зрители опираются на контекст, в котором они находятся – оценивают ли они достоверность репрезентации через сравнение с российскими реалиями или, например, с американскими.

Мы провели 14 полуструктурированных интервью с гетеросексуальными (6 интервью) и гомо-/бисексуальными (8 интервью) цисгендерными жителями Москвы от 22 до 30 лет. Информанты по большей части являются студентами или окончили московские вузы, сначала мы рекрутировали их через знакомых, а затем находили по принципу «снежного кома». При поиске собеседников мы не стреми-

лись найти специалистов в области кино – наоборот, в фокусе нашего внимания были зрители с усредненным зрительским опытом, которые не являются особыми любителями квир-кино. В ходе разговоров мы задавали вопросы о зрительском опыте собеседников и спрашивали про фильмы с квир-персонажами, которые они могли припомнить, о том какие черты квир-персонажей им кажутся характерными, насколько точно, по их мнению, представлены квир-персонажи, как они определяют таких персонажей в кино. Кроме того, мы использовали проективную методику: спрашивали у информантов, какой фильм/сериал с участием квир-героя они бы сняли сами. Впоследствии расшифровки разговоров были проанализированы посредством ядерного кодирования в программе «Dedoose».

Следует указать на ограничения, вызванные особенностями выборки: наша работа фокусируется на восприятии репрезентации глазами людей, которые либо определяют себя как негетеросексуальные, либо имеют знакомых/друзей из квир-сообщества, но себя как негетеросексуальных не определяют. Знакомство с квир-человеком может менять отношение к негетеросексуальным людям: исследования показывают, что большее число контактов между гетеросексуальными людьми и квир-персонами ведет к меньшим уровням гомофобии среди первых (Hoffarth and Hodson 2020). Более того, даже наличие одного гомосексуального друга/подруги способно улучшить отношение к квир-людям в целом (Hodson, Harry, and Mitchell 2009). В зависимости от возрастной категории отношение информантов к квир-людям также может различаться: данные опросов показывают, что россияне в возрасте 18–24 лет больше высказываются в поддержку прав ЛГБТ, чем россияне старше 55 лет (Левада-Центр⁷). При этом жители крупных городов в большей степени склонны поддерживать права ЛГБТ, и, следовательно, они могут воспринимать квир-персонажей в более положительном ключе (Рикель 2020). Наконец, проведенная нами граница, разделяющая группы информантов, пролегает по наличию квир-опыта и остается нечувствительной к их гендерной идентичности. Однако нам кажется, что подобная стратегия поиска информантов может быть плодотворной. Разговор о квир-людях сам по себе оказывается сенситивной темой, которая предполагает большой уровень близости. Вместе с тем нам было важно, чтобы информанты как можно меньше воспроизводили усвоенные из официального дискурса нарративы, потому мы обратились к группе, для представителей которой глобальные интернет-ресурсы являются основным каналом при поиске и просмотре кино, где они неизбежно сталкиваются с квир-репрезентациями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕРВЬЮ

Прежде чем перейти к анализу интервью, необходимо отметить следующее: несмотря на то, что разговор шел о кино и репрезентации квир-персонажей в целом, речь в интервью заходила преимущественно о европейских и американских фильмах. Несмотря на то, что в России есть примеры квир-репрезентации в кино,

---

⁷ «Отношение россиян к ЛГБТ людям», Левада-Центр, 15 октября 2021 г., <https://www.levada.ru/2021/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-lgbt-lyudyam>.

почти никто из информантов не упоминал российское квир-кино и не мог вспомнить примеров российской квир-репрезентации. Можно предположить, что это связано с тем, что квир-герои присутствуют в ограниченном числе российских фильмов, или с тем, что наши информанты в целом редко смотрят российские фильмы.

По мнению информантов, негетеросексуальный мужчина в кино часто представлен как театральный и истеричный, у него также часто бывает трагичная судьба и безответная любовь: «Неразделенная любовь, отношения абьюзивные, и в конце кто-то самоубийством кончает. Редко, когда все действительно хорошо, и они живут весело-счастливо до конца жизни» (квир-информантка). В свою очередь, негетеросексуальные женщины представлены как неухоженные, маскулинные или, наоборот, гиперсексуализированные и подчеркнута женственные. Последний тип репрезентации (гиперсексуализация) направлен предположительно на гетеросексуальную аудиторию, преимущественно на мужчин, и демонстрирует, как квир-опыт может быть использован в рамках гетеронормативных дискурсов. Важно отметить, что гиперсексуализации негетеросексуальных мужчин никто не отмечал, что может указывать на то, что расхожим тропом является именно гиперсексуализация женщин-лесбиянок. Информанты отмечают:

С девушками очень заметно, что какие-то сцены с поцелуями и постельные сцены – это как будто бы взято из порно, снятого для мужчин, в том плане, что это всегда очень сексуализировано и очень ненатуралистично (квир-информантка).

Такие более женственные, не пацанки. Чаще секси лесбиянки, порнушные прям (гетеро-информант).

При этом подобные репрезентации считаются информантами из обеих групп как стереотипные, хотя гетеросексуальные информанты эксплицитно не отмечали их нереалистичность.

Информант: Картинный такой, очень стереотипный такой. . .

Интервьюер: Феминный?

Информант: Да-да феминный, почти всегда феминный в большинстве случаев (гетеро-информант).

Очень стереотипизированы в том плане, что они какие-то неухоженные, толстые, страшные, мужеподобные, нет какой-то реалистичной картины, то есть то, что я вижу в жизни, очень сильно отличается от того, что я вижу в кино на эту тему (квир-информантка).

Характерно, что у квир-информантов, похоже, уже существует свой сформулированный и отрефлексированный набор характерных черт персонажей. Например, отвечая на вопрос «Как изображаются квир-персонажи в кино?», одна из информанток использовала нумерацию для указания стереотипов: «Троп два – это гиперсексуализация». Другими словами, эта группа оказывается более чувствительной к воспроизводящимся стереотипным чертам.

При этом негетеросексуальный мужчина, по мнению обеих групп, бывает представлен как яркий, не стесняющийся эмоций, энергичный, утонченный, веселый, имеющий хорошее чувство юмора и открытый новому опыту: «Ну такой стильный, весь одет хорошо, веселый [. . .], с собачкой там какой-нибудь» (гетероинформант). В этом описании отчетливо прослеживаются элементы гомонормативной репрезентации. Однако информанты почти не описывали образы негетеросексуальной женщины, которые можно отнести к этому типу репрезентации. Вероятно, это может говорить о том, что в той выборке фильмов, к которой отсылали информанты, редко фигурировали гомонормативные лесбиянки. Это обстоятельство может также указывать на то, что центральной для гомонормативного дискурса является фигура гомосексуального мужчины.

При этом некоторые информанты употребляли следующие выражения про квир-персонажей в целом: «такие же как все», «люди как люди», «как обычный человек», «такая же жизнь, такие же проблемы». «[Фильмы] “Кэрол”, “Назови своим именем”, “Лунный свет”. Там чувства героев такие же, как и у гетеро-персон в других фильмах, такие же серьезные, такие же переживания. В принципе такая же жизнь, такие же проблемы. Нет клоунады» (квир-информантка). Такое описание характерно для гомонормативного дискурса, в котором точкой отсчета становятся именно гетеросексуальные люди. Важно отметить, что квир-информантка оценивает чувства героев («такие же как у всех» и т. п.), но не указывает на какие-то особенности, связанные с политическим контекстом в России. Можно предположить, что для нее квир-человек не имеет опыта, отличного от гетеросексуального человека, она не подчеркивает дискриминационную составляющую квир-опыта. В словах информантки можно проследить критику гетеронормативного мифа – экзотизации квир-опыта («нет клоунады»), однако образ квир-героя не связывается с опытом реальных квир-людей. Информантка отмечает фильмы, где чувства квир-героев являются такими же, как чувства гетеросексуальных героев *в других фильмах*, а не такими же, как чувства реальных квир-людей. Сравнение опыта происходит в рамках кино-фантазийной реальности, и связки между опытом персонажа и реальным опытом квир-человека (например, в России) не делается. Это может означать полную нерелевантность образов для опыта информантки, отчего, как и собеседники Санс-Лопеса, она способна сопоставить квир-персонажей с другими героями кино, но не с опытом реальных людей.

Выражая позитивные эмоции относительно персонажей, гетеросексуальные информанты утверждают, что романтические истории о квир-героях, то есть нарративы, построенные на принципах гетеросексуальных отношений, вызывают у них «классическое сопереживание». При этом квир-зрители указывают на свое раздражение чрезмерно яркими и эпатажными персонажами, пусть даже эти черты представлены как положительные: «Вот за счет этой гипер [. . .], когда там очень большой блестящий пиджак, очень-очень много макияжа, и он гиперактивный, и все возведено до максимума, стереотипный и карикатурный» (квир-информант). Квир-информанты отмечают, что не могут соотнести свой опыт с опытом подобных персонажей. Показательно, как зрители из разных групп описывают свое отношение к одному и тому же фильму «С любовью, Саймон». В этом фильме, снятом Грегом Бер-

ланти в 2018 году, показана история подростка Саймона, который скрывает свою гомосексуальность от близких, но в итоге делает каминг-аут. Саймона окружают понимающие родственники и друзья, а после каминг-аута он не сталкивается с гомофобией или буллингом. При этом такая относительно «идиллическая» репрезентация воспринимается по-разному гетеро- и гомосексуальными информантами.

«С любовью, Саймон» – там просто приятный чел, нравится их история, как они себя ведут, что делают. Классическое сопереживание. Нравится характер персонажей, вообще все фильмы, которые смотрела, вызывают положительные ощущения (гетеросексуальная информантка).

Меня дичайше раздражает фильм «С любовью, Саймон». Это самая отвратительная репрезентация геев во всем мире, потому что я ненавижу, когда американцы снимают фильм, в котором главный герой такой: «Я такой же как все, посмотрите, какой я классный, у меня полноценная семья, сестра, я езжу на машине и учусь в классной школе, а еще у меня ох**анный дом и вообще я богатый, и еще у меня куча друзей. Только у меня одна тайна. . .». Вот самое забавное, что вот эта вот тайна – это единственное, что меня ассоциирует с этим персонажем, и больше ничего (гомосексуальный информант).

Таким образом, те черты, которые кажутся гетеросексуальным информантам положительными, вызывают сильные негативные эмоции у гомосексуальных информантов. Это отражает различное понимание «хорошей» репрезентации: если гетеросексуальные информанты апеллируют к положительности героев, к их встроенности в привычный мир с классическими сюжетами (романтические отношения, драмы, общение с друзьями), то негетеросексуальные информанты больше склонны оценивать реалистичность характеров и жизни героев, а также соотнесенность с их личным опытом. Характерно, что фильм вызывает такие бурные эмоции у квир-информанта. В картине повествуется о проблемах человека с негетеросексуальной идентичностью, но сеттинг, атрибуты благополучия и успеха не позволяют информанту сочувствовать; наш собеседник апеллирует к классовым различиям, в его жизни есть трудности и помимо гомофобии (Mezey 2008). Информант подчеркивает, что реалистичность репрезентации воспринимается квир-людьми через интерсекциональную призму, в которой связаны разные элементы их опыта – такая оптика в меньшей степени задействуется гетеросексуальными зрителями.

Любопытно, что образы на экране могут структурировать как восприятие персонажей в кино, так и восприятие реальных людей. Несмотря на то, что стереотипность репрезентации осознается, из-за частой повторяемости клишированных образов негетеросексуальных героев некоторые признаются, что не могут *не идентифицировать* сексуальность героев:

Это все вызвано тем, что я до этого уже посмотрела десять фильмов, в которых были примерно похожие характеры у персонажей, и у меня сложилось впечатление о том, что, когда я вижу такого персонажа, это значит, что он представитель ЛГБТ. Я считаю, это все связано [с тем], что мы видим одни и те же случаи появления таких героев и делаем вывод, и наш мозг начинает воспринимать определенных героев и вешать ярлыки (квир-информантка).

Сами информанты признают наличие воспроизводящихся черт и осознают, что их предыдущий опыт диктует восприятие персонажей на экране. Характерно, что такое мнение высказывает квир-информантка, – вероятно, такая чувствительность к квир-маркерам обусловлена особым вниманием к негетеросексуальным персонажам на экране: «Ну конечно я радуюсь любому проявлению ЛГБТ-персонажей, если есть там линия в сериале, например, очень круто, там, я рада, можно за кем-то проследить» (квир-информантка). Другими словами, квир-персоны склонны замечать детали, связанные с квир-персонажами, потому что фильмы с такими персонажами интересуют их в большей степени, чем гетеросексуальных людей. Как говорит один из информантов, «я думаю, что это не рандомные знаки, я думаю, их используют сознательно, и я их подмечаю». Тем не менее представители обеих групп свободно указывали на характерные черты, по которым они идентифицируют квир-персонажа на экране:

- чувственность;
- драматичность, «истеричность»;
- указание на некоторые атрибуты или черты характера, сигнализирующие о негетеросексуальном опыте («Персонаж обязательно ярко одевается, необычно, какие-то блестки, макияж на лице»);
- демонстрация того, что персонаж «не может разобраться в себе» и в своей сексуальности («Он не может разобраться в себе, ему сложно находиться в мужской раздевалке»).

Как видно из перечня, маркерами сексуальности становятся как особенности потребляемых товаров, так и характер героя на экране, что отсылает нас и к гетеронормативному, и к гомонормативному типу репрезентации: оба они оказывают влияние на то, кого зрители принимают за квир-персонажа. Интересно также, что образы могут воздействовать на то, как гетеросексуальные информанты воспринимают реальных людей. Одна собеседница отмечает: «Бывало такое, что персонаж ЛГБТ был похож на гетеро-друга. Я потом не уверена была, что друг на самом деле гетеро» (гетеро-информантка). Цитата выше демонстрирует, что персонажи на экране – если они обнаруживают сходства с реальными людьми – трансформируют восприятие последних. В сущности, это подтверждает идею Холла, в соответствии с которой медиаобразы могут диктовать наше восприятие действительности в большей степени, чем сама действительность. Интересно также, что информантка сомневалась в гетеросексуальности друга из-за увиденного фильма, а не считывала сексуальность героя в фильме исходя из жизненного опыта. В этом случае паттерны квир-репрезентации на экране становятся источником знания о том, как в реальности могут вести себя квир-люди. Сомнение, на которое указывает собеседница, в ее случае не повлияло на отношение к другу. Однако способность фильма структурировать набор черт, который атрибутируется как черты, характерные для негетеросексуального мужчины, может по-разному влиять на отношения зрителей и их окружения: здесь мы лишь можем указать на возможность такой связи, но ее характер требует отдельного анализа.

Некоторые информанты прямо указывали, что черпают знание о проблемах реальных людей из кино: «Испытываю положительный интерес. Хочется больше

узнать про их опыт и понять, могу ли я где-то здесь приложиться полезно. [. . .] Мне кажется круто, если люди с более привилегированными идентичностями могут им помочь» (гетеро-информант). Так, персонажи в фильмах становятся для гетеросексуальных людей одним из источников знания об опыте квир-персон, что указывает на политическую значимость репрезентации, и информанты также осознают это. Кроме того, существенно, что собеседник пытается определить, с какими проблемами сталкивается персонаж в фильме, чтобы понять реальное положение квир-людей, – такая позиция предполагает презумпцию их несчастья.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ – ДЛЯ ГАЛОЧКИ?

Во время разговоров мы старались избегать категорий «хороший»/«плохой» применительно к репрезентациям персонажей, однако зачастую сами информанты начинали использовать их по отношению к героям фильмов. По мнению многих, квир-персонажи необходимы для «нормализации» опыта: «такие персонажи должны появляться на экране, чтобы нормализовать их. Потому что не во всем мире они нормализованы» (квир-информантка). Идея «нормализации» сигнализирует о том, что репрезентация квир-опыта оказывается политизированной темой: персонажи выходят за пределы фильмов, впечатление о них формируется в контексте прав квир-людей в конкретном сообществе/стране. Некоторые информанты из обеих групп положительно относились к тому, что в фильмах и сериалах фигурируют квир-персонажи – как видно из цитаты выше, по их мнению, репрезентация является инструментом для повышения видимости реальных квир-людей. Однако некоторые наши собеседники недовольны появлением в фильме квир-персонажей, участие которых не необходимо для сюжета, часто в разговорах возникала фраза «для галочки»: «Просто для галочки, вот, смотрите, он гей» (квир-информантка); «Для какой-то, ну типа, как говорится, для повесточки, типа вообще никак об этом не говорилось, но, кстати, вот он гей. Такое мне не нравится» (гетеро-информантка).

Персонаж «для галочки» или «для повесточки»⁸ – это чаще всего второстепенный герой, чья сексуальность не имеет для сюжета значения. Такой персонаж считается нашими респондентами как чужеродный элемент, который оказался в фильме по причинам, выходящим за рамки эстетических/художественных идей

---

⁸ Слово «повесточка», которое использовали информанты, носит пейоративный характер и, как представляется, его коннотативное поле схоже со смыслами, к которым отсылает выражение *social justice warrior* (SJW) – распространенное в англоязычных контекстах оскорбительное описание «людей, выражающих или продвигающих социально-прогрессивные взгляды» (Phelan 2019:4). Определение SJW возникло в американском праворадикальном дискурсе и изначально содержало критический заряд по отношению к «левой повестке», куда входит и поддержка прав квир-людей. В российском контексте «повесточка» отсылает к «западной пропаганде» и «леволиберальной идеологии» и часто подразумевает в первую очередь поддержку прав квир-людей и открытое обсуждение подобного опыта: для примеров подобной риторики см., например, заметку на сайте «РИА Новости» (Никифорова 2023). Однако дискуссии относительно «повесточки» и анализ дискурсов, которые их подкрепляют, выходят за рамки настоящего исследования.

создателей. Этот герой возник в фильме только из-за формальности – предположительной необходимости репрезентации в кино. Идея, что для негетеросексуального персонажа необходимо пояснение, указывает на представление о том, что по умолчанию всякий герой должен быть гетеросексуальным, и воспроизводит гетеронормативный дискурс. Более того, когда причин для того, чтобы герой был негетеросексуальным, не обнаружено, это может вызывать бурные дискуссии по поводу уместности персонажа и отторжение к фильму: «Ну скорее всего, это мои подмосковные друзья, которые такие “блин, добавили тут какого-то гея на**й. . . зачем?” [. . .] То есть они больше против, не прям чтоб это что-то кошмарное, но отстой какой-то, потому что там появился гей» (гетеро-информант). Недовольство квир-информантов, в свою очередь, вызвано не наличием персонажа, а недостаточно проработанной сюжетной линией: «Чаще всего это представляется очень натужно – ну ради чего? То есть там просто показывается парочка сцен и дальше ничего не раскрывается ни история знакомств, ни история отношений» (квир-информантка). Квир-информанты, предположительно, ожидают больше сюжетных линий и экранного времени, посвященного репрезентации их опыта, и потому в ситуациях, когда это не происходит, могут негативно воспринимать персонажа в фильме. Кроме того, такое отношение может быть связано с тем, что они не желают видеть персонажей, образ которых редуцирован, сведен к характеристике их сексуальности, что воспринимается как политическое высказывание: «Это немножко эффект галочки, типа вот смотрите, у нас есть персонаж, и вот он у нас есть, и мы его добавили, чтобы там часть сообщества как бы более расположить к нам» (квир-информант). Такая репрезентация считывается как показатель толерантности, однако скорее раздражает, нежели привлекает квир-аудиторию. Как отмечает одна из информанток, говоря о неудовлетворенности второстепенными квир-персонажами, «сейчас запросы немножечко другие».

Двойственность отношений к квир-репрезентации среди обеих групп информантов и повторяющиеся отсылки к внешним процессам вроде «нормализации» квир-опыта, сигнализируют о большой политизированности вопроса. С одной стороны, представители обеих групп считают репрезентацию в кино важным политическим инструментом и полагают, что квир-персонажи на экране способствуют большему принятию негетеросексуальных людей в реальной жизни. Вместе с тем, если в рамках сюжета его/ее квирность не имеет значения и не «двигает сюжет», этот персонаж, введенный «для повесточки», «для галочки», может вызывать недовольство гетеросексуальных зрителей. Такая реакция имплицитно воспроизводит стандарт, в рамках которого всякое отклонение от гетеро-нормы должно быть объяснено и аргументировано. В случае же с квир-зрителями, неудовлетворенность также может быть связана с желанием более подробных сюжетных линий и большего акцента на негетеросексуальном опыте.

Помимо вопросов об их опыте, мы предложили нашим информантам придумать свои варианты репрезентации: какой фильм, где главный герой – квир-персонаж, они сняли бы сами? Гетеросексуальные информанты предлагали делать центральной сюжетной линией сексуальность героев: с какими проблемами он/она сталкивается, как проживает становление своей идентичности:

У меня почему-то вот такая структура в голове, что если главный персонаж – квир-персона, то весь сюжет должен строиться на противостоянии вот этому цисгендерному гетеросексуальному миру. Как, видимо, и у всех режиссеров, именно поэтому у нас все сюжеты трагичные, и грустно их смотреть. И я, к сожалению, тоже не могу вырваться из этого паттерна (гетеро-информантка).

Квир-информанты, напротив, хотели бы отойти от сексуальности как центральной темы и сделать сюжет более приземленным, обыденным. Характерная для этой позиции цитата:

Как у Вуди Аллена: люди ходят, общаются и ничего не происходит. Мне такое не нравится, но фильм про геев в таком формате, где они просто гуляют, вот в таком формате – я бы снял. В жизни бывают драматические моменты, но ведь есть истории, когда просто два человека встречаются, гуляют, и с ними ничего плохого не происходит, и они могут сексом не заниматься. И это имеет место в реальности (квир-информант).

Квир-информанты предлагают вплетать квир-героев в сюжет «ненавязчиво»: с одной стороны, это продиктовано раздражением от излишней стереотипизации героев и желанием отразить реальный опыт квир-людей, с другой – можно интерпретировать это как стремление к гомонормативности, созданию квир-нарратива «я такой же, как все». Напряжение между этими двумя позициями заключается в том, что квир-информанты отмечают наличие особого квир-опыта, но при этом считают, что на нем не стоит акцентировать внимание, этот опыт не должен быть определяющим для развития сюжета.

ДИСКУССИЯ

В интервью квир-информанты акцентируют внимание на несоответствии гомонормативных образов действительности, выражают желание уйти от «ярлыков» и «стереотипных образов», как положительных, так и отрицательных. При этом гетеросексуальные информанты зачастую считают центральной темой сексуальность квир-персонажей и проблемы, которые связаны с сексуальностью. Квир-информанты в рамках обсуждения аналогичных репрезентаций, наоборот, стремятся не акцентировать внимание на сексуальности персонажей. Это сигнализирует об усталости от того, что Грегори Херек называет «master status of homosexuality» (Herek 2003) – ситуации, когда сексуальность представляет основное знание о гетеросексуальном человеке, которое достаточно для его/ее понимания.

Можно предположить, что типичные кинонарративы могут в равной степени воздействовать на восприятие квир-персонажей в обеих группах. Несмотря на то, что информанты из обеих групп критикуют стереотипизированные образы квир-персонажей, они все же склонны использовать сложившиеся паттерны для идентификации «квирности» в кино. Это может демонстрировать влияние гомо-/гетеронормативных мифов, которые фреймируют и направляют восприятие даже обладающих квир-опытом людей. Подтверждением такого влияния являются высказывания информантов: они указывали на «невозможность не идентифициро-

вать» персонажа как квинного из-за сложившегося киноопыта. Другими словами, у информантов из обеих групп существуют определенные ожидания относительно того, какими должны быть квин-персонажи в кино.

Вероятно, именно эти ожидания обуславливают тот факт, что персонажи, которые не имеют в рамках сюжета понятных функций, воспринимаются как герои «для галочки» или «для повестки». Отношение к таким персонажам двойственно в обеих группах: собеседники отмечают важность репрезентации негетеросексуальных людей как политического инструмента, но в то же время есть те, кто недоволен наличием квин-героев, которые, по их мнению, «не двигают сюжет». Недовольство среди гетеросексуальной аудитории, как мы уже указали, обусловлено самим присутствием персонажей – зачем они нужны, если можно без них? Можно предположить, что такое недовольство обусловлено гомофобными позициями зрителей. (Важно отметить, что среди наших собеседников никто не выражал раздражение квин-героями в кино, а только указывали на такое мнение среди своих знакомых.) Недовольство персонажами «для галочки» среди квин-зрителей, в свою очередь, обусловлено их недостаточным участием в сюжете: было бы лучше, если бы квин-персонажи занимали больше экранного времени.

Раздражение от фильмов, которые лишь номинально демонстрируют квин-персонажей, – это раздражение, вызванное квинбейтингом. Джозеф Бреннан определяет квинбейтинг как «акт создания видимости приверженности к вопросам видимости квин-людей, а затем неспособность продемонстрировать такую приверженность в какой-либо осязаемой форме» (Brennan 2019:1). Фильмы с квин-людьми «для галочки» направлены на широкую – предположительно, гетеросексуальную – аудиторию и стремятся учесть ее вкусы, а не вкусы репрезентируемых негетеросексуальных людей. Другими словами, такие фильмы капитализируют видимость разнообразия персонажей, – и это становится причиной недовольства зрителей. Любопытно при этом, что, как отмечает один из гетеросексуальных информантов, среди некоторых его знакомых нередко возмущение по поводу наличия негетеросексуального персонажа в кино. Однако в этом случае зрители недовольны не поверхностностью персонажа, а самим его наличием в сюжете, вторя государственной риторике, которая означает подобных персонажей как чуждых и инородных для России. Появление любого квин-персонажа, отмечает собеседник, характеризуется как «отстой» и встречается вопросом «Зачем?». Елена Пронкина (2016) отмечает, что основной риторический ход в репрезентации квин-людей в государственных медиа – обынаковление, и раздражение, о котором говорил наш собеседник, кажется, наследует логику такого дискурса. В этом смысле зрители при оценке глобально циркулирующих репрезентаций ориентируются на нормативные представления о местном контексте: у нас здесь такого быть не должно. Иными словами, возмущение относительно персонажей «для галочки» обусловлено двумя независимыми обоснованиями, одно из которых мотивировано критикой гомонормативности, а другое укоренено в непосредственно гетеронормативном дискурсе. Однако чтобы с большей уверенностью судить об интерпретативных моделях, на которые опираются зрители в своей критике квин-персонажей, следует исследовать более разнообразный опыт.

Насколько вообще возможна «хорошая» репрезентация? Гетеросексуальные информанты, фантазируя о возможной репрезентации квир-героев, задействуют распространенные мифы: несчастная судьба, сложности самоидентификации, проблемы с близкими. В их описаниях (гомо)сексуальность героев структурирует сюжет и является центральной для самоопределения персонажа. Квир-информанты при описании желаемых репрезентаций зачастую предлагали не акцентировать внимание на сексуальности героев, поскольку они воспринимают сексуальность лишь как одну из многочисленных сторон своей идентичности. Несмотря на то, что они хотели бы уйти от ярлыков и стереотипных репрезентаций, вопрос о «хорошей» репрезентации остается открытым, поскольку квир-информанты сталкиваются с амбивалентностью: как избежать стереотипизации и обесценивания квир-опыта и при этом отразить реальный опыт квир-людей? Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения, однако, вероятно, «хорошая» репрезентация подразумевает множественность и разнообразие демонстрируемых образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках нашего исследования мы рассматривали репрезентацию как миф с опорой на работы Ролана Барта и Стюарта Холла, основная мысль которых в том, что репрезентация никогда не является точным воспроизводством репрезентируемого и всегда привносит дополнительные смыслы. Говоря о возможных стратегиях репрезентации квир-людей в популярной культуре, мы выделили две категории с опорой на понятия гетеронормативности и гомонормативности. Первая отсылает к пейоративной репрезентации, которая субординирует квир-субъекта относительно гетеросексуальной нормы, маркируя его как несчастного, извращенного и исключенного. Вторая, в свою очередь, представляет способ «позитивной» репрезентации, которая, однако, направлена на «нормализацию» квир-людей – представление их такими же, как и «обычные люди». В контексте гомонормативного дискурса квир-опыт утверждается как имеющий право на существование, однако в действительности точкой отсчета по-прежнему остается гетеросексуальность. При этом, будучи специфичными для западного контекста, гомо-/гетеронормативные репрезентации могут быть интерпретированы иначе аудиторией в других странах. В исследовании мы задавались вопросом: на каких аспектах квир-репрезентации делают акцент российские зрители. Наши интервью демонстрируют различия в отношении гетеросексуальных и негетеросексуальных зрителей в восприятии различных репрезентаций квир-персонажей в кино. Обе группы воспринимают гетеронормативные элементы образов как стереотипные: они указывают на ограниченность и нереалистичность изображения квир-персонажей как перверсивных Других. В то же время, когда речь заходит о реальных людях, гетеронормативный дискурс может оказывать воздействие: гетеросексуальные информанты могут переносить проблемы квир-персонажей, увиденные в кино, в свои оценки реального состояния квир-людей, а также могут судить о сексуальности реального человека, опираясь на образы в кино. В свою очередь, негетеросексуальные информанты также отмечают карикатурность гетеронормативных тро-

пов, но те не оказывают воздействия на их восприятие реальных людей, что может обуславливаться наличием у них квир-опыта.

Что касается гомонормативной репрезентации, гетеросексуальные информанты воспринимают ее скорее как реалистичную и также опираются на нее в восприятии реальных людей. Безусловно, это может быть связано с тем, что гетеросексуальные информанты не стремятся идентифицировать себя с персонажами, сравнить свой жизненный опыт с опытом квир-героев. В то же время такая ситуация может сигнализировать о том, что гомонормативная репрезентация влияет на формирование мнения о квир-персонах в реальной жизни. Более того, по мнению некоторых гетеросексуальных зрителей, такая репрезентация положительна и важна для перемены в отношении к квир-людям. В российском контексте квир-персонажи, которые могли бы считываться как гомонормативные (то есть деполитизирующие), в действительности оказываются политически заряженными. Это, без сомнения, объясняется в том числе широкой рестриктивной программой государства, маркирующей публичное высказывание об ЛГБТ как политическое *par excellence*.

Несмотря на рост разнообразия, исследователи указывают, что фильмы с квир-персонажами могут быть ориентированы не столько на квир-зрителей, сколько на широкую гетеросексуальную аудиторию. Подобные произведения воспроизводят «гендерно-конформное поведение, нормативные семейные структуры, культуру потребления и вкусы среднего класса» (Ng 2013:261). Такие медиапродукты используют распространенные (гетеросексуальные) жанровые тропы, чтобы гетеросексуальной аудитории «было проще соотнестись» (Avila-Saavedra 2009:16) с персонажами (вспомним «классическое сопереживание», о котором говорит наша собеседница). Другими словами, имплицитными зрителями многих гомонормативных фильмов и сериалов является гетеросексуальное «большинство», а не те, кто оказываются репрезентированы. Вероятно, именно поэтому наши гетеросексуальные собеседники с одобрением относились к фильмам с гомонормативной репрезентацией, таким как «С любовью, Саймон».

Критика гомонормативности, направленная на разоблачение ее деполитизирующего заряда и нормализации на условиях большинства, лишь отчасти релевантна российскому контексту. Да, квир-субъектам в рамках такого дискурса предлагается лишь встроиться в существующие гетеро-институты семьи, брака и т. п. Однако в условиях, когда всякое «нейтральное или одобряющее» высказывание о негетеросексуальности является криминализованным, такие медиапродукты оказываются по умолчанию политически значимыми. Как мы указали, само наличие квир-персонажей в фильмах является предметом (политических) дискуссий среди российских зрителей – информанты приводили примеры разговоров с друзьями и знакомыми, в которых необходимость квир-персон в фильмах вызывает раздражение и непонимание. Это раздражение в целом характерно для российского публичного дискурса. Репрезентация, отличная от высмеивающей, провоцирует конфликт относительно допустимости появления квир-людей в кино, что сигнализирует о высокой степени неприятия подобных киногероев среди аудитории. Снижает ли появление квир-персонажей (пусть и гомонормативных) на экра-

не гомофобию среди российских зрителей? Связь наличия квир-людей в массовых медиа и уровня гомофобии хорошо исследована⁹ за пределами России, но в контексте нашей страны заслуживает более подробного изучения, хотя это становится все более сложной задачей.

Наконец, несмотря на значимость репрезентации в кино, транслируемое сообщение не воспринимается в неизменном виде. Мы указывали на различия в восприятии, которые можно заметить в разговорах с двумя группами, при этом следует также указать, что многие информанты, задумываясь о теме разговора, отмечали условность транслируемых репрезентаций. Как сказал один из наших собеседников, «вообще-то в жизни все любят приодеться и нарушить границы гендера».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Ролан. 2008. *Мифологии*. М.: Академический Проект.
- Белоусов, Евгений. 2024. «Издательство АСТ объяснило цензуру биографии Пазолини запретом пропаганды ЛГБТ». *Коммерсантъ*, 25 апреля. <https://www.kommersant.ru/doc/6666162>.
- Никифорова, Виктория. 2023. «В США оправдывают массовое убийство детей “очаровательнейшим существом”». РИА Новости, 31 марта. <https://ria.ru/20230331/ssha-1861957798.html>.
- Палий, Виолетта. 2023. «Самоцензура, штрафы, апелляции: что происходит с онлайн-кинотеатрами после закона о “ЛГБТ-пропаганде”». *Кинопоиск*, 28 июля. <https://kinopoisk.ru/media/article/4008153>.
- Пронкина, Елена. 2016. «Особенности ЛГБТ-дискурса в российских медиа, инициированного дискуссиями о регулировании сексуальности». *Журнал исследований социальной политики* 14(1):71–86.
- Рикель, Александр. 2020. «Социальные представления о гомосексуальности у разных поколений современных россиян». *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология* (4):110–134. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.06>.
- Ahmed, Sara. 2010. *The Promise of Happiness*. Durham, NC: Duke University Press.
- Andreevskikh, Olga. 2023. “Discourses on Non-heteronormative Masculinities and Intimate Partner Violence: A Russian Media Case Study.” *Journal of Family Violence*. <https://doi.org/10.1007/s10896-023-00614-7>.
- Avila-Saavedra, Guillermo. 2009. “Nothing Queer about Queer Television: Televised Construction of Gay Masculinities.” *Media, Culture & Society* 31(1):5–21.
- Baer, Brian. 2009. *Other Russias: Homosexuality and the Crisis of Post-Soviet Identity*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bonds-Raacke, Jennifer M., Elizabeth T. Cady, Rebecca Schlegel, Richard J. Harris, and Lindsey Firebaugh. 2007. “Remembering Gay/Lesbian Media Characters: Can Ellen and Will Improve Attitudes toward Homosexuals?” *Journal of Homosexuality* 53(3):19–34. https://doi.org/10.1300/J082v53n03_03.
- Brennan, Joseph. 2019. “Introduction: A History of Queerbaiting.” Pp. 1–25 in *Queerbaiting and Fandom: Teasing Fans through Homoerotic Possibilities*, edited by Joseph Brennan. Iowa City: University of Iowa Press.
- Duggan, Lisa. 2020. “The New Homonormativity: The Sexual Politics of Neoliberalism.” Pp. 175–194 in *Materializing Democracy*, edited by Russ Castronovo and Dana D. Nelson. Durham, NC: Duke University Press.
- Edenborg, Emil. 2017. *Politics of Visibility and Belonging: From Russia’s “Homosexual Propaganda” Laws to the Ukraine War*. London: Routledge.

⁹ Лишь несколько примеров подобных исследований: Bonds-Raacke et al. (2007); Madžarević and Soto-Sanfiel (2018); Mazur and Emmers-Sommer (2002); Schiappa, Gregg, and Hewes (2006).

- Eliason, Michele J. 2014. "An Exploration of Terminology Related to Sexuality and Gender: Arguments for Standardizing the Language." *Social Work in Public Health* 29(2):162–175. <https://doi.org/10.1080/19371918.2013.775887>.
- El-Tayeb, Fatima. 2012. "Gays Who Cannot Properly Be Gay': Queer Muslims in the Neoliberal European City." *European Journal of Women's Studies* 19(1):79–95. <https://doi.org/10.1177/1350506811426388>.
- Evans, Caroline, and Lorraine Gamman. 2005. "The Gaze Revisited, or Reviewing Queer Viewing." Pp. 12–62 in *A Queer Romance: Lesbians, Gay Men and Popular Culture*, edited by Paul Burston and Colin Richardson. London: Routledge.
- Francis, Isabella. 2021. "Homonormativity and the Queer Love Story in *Love, Simon* (2018) and *Happiest Season* (2020)." *Women's Studies Journal* 35(1):80–93.
- Glenn, Clinton. 2021. "'We Are the New Lithuania': Deconstructing Queerness and Nationalism in Romas Zabarauskas' *You Can't Escape Lithuania* (*Nuo Lietuvos Nepabėgsi*) and *Porno Melodrama*." *Lambda Nordica* 25(3–4):54–78. <https://doi.org/10.34041/ln.v25.708>.
- Goltz, Dustin Bradley. 2009. *Queer Temporalities in Gay Male Representation: Tragedy, Normativity, and Futurity*. New York: Routledge.
- Gross, Larry. 1991. "Out of the Mainstream: Sexual Minorities and the Mass Media." *Journal of Homosexuality* 21(1–2):19–46. https://doi.org/10.1300/J082v21n01_04.
- Hall, Stuart. 1989. "Cultural Identity and Cinematic Representation." *Framework: The Journal of Cinema and Media* 36:68–81.
- Hall, Stuart. 1997. "The Work of Representation." Pp. 13–74 in *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, edited by Stuart Hall. Vol. 2. London: SAGE Publications.
- Hart, Kylo-Patrick. 2000. "Representing Gay Men on American Television." *Journal of Men's Studies* 9(1):59–79. <https://doi.org/10.3149/jms.0901.59>.
- Healey, Dan. 2022. "Afterword: Making Russia Queerer, or the Strange Paradox of President Putin's Incitement to Discourse." Pp. 191–199 in *Queering Russian Media and Culture*, edited by Galina Miazhevich. London: Routledge.
- Herek, Gregory M. 2003. "Why Tell if You're Not Asked? Self-disclosure, Intergroup Contact, and Heterosexuals' Attitudes toward Lesbians and Gay Men." Pp. 270–298 in *Psychological Perspectives on Lesbian, Gay, and Bisexual Experiences*, edited by Linda D. Garnets and Douglas C. Kimmel. New York: Columbia University Press.
- Hodson, Gordon, Hannah Harry, and Andrea Mitchell. 2009. "Independent Benefits of Contact and Friendship on Attitudes toward Homosexuals among Authoritarians and Highly Identified Heterosexuals." *European Journal of Social Psychology* 39(4):509–525.
- Hoffarth, Mark R., and Gordon Hodson. 2020. "Coming Out, Intergroup Relations, and Attitudes toward LGBT Rights." In *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Horvat, Anamarija, and Alice M. Kelly. 2023. "Representing Queerness: Modes, Manners and Methods." *Queer Studies in Media & Popular Culture* 8(3):255–263. https://doi.org/10.1386/qsmcpc_00104_2.
- Jones, David, and Joanne C. Juett. 2010. *Coming Out to the Mainstream: New Queer Cinema in the 21st Century*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- Kondakov, Alexander. 2019. "The Censorship 'Propaganda' Legislation in Russia." Pp. 213–215 in *State-Sponsored Homophobia: Global Legislation Overview Update*. Geneva: ILGA World.
- Lane, Jennifer. 2021. "Using Queer Phenomenology to Disrupt Heteronormativity and Deconstruct Homosexuality." *Journal of Homosexuality* 68(13):2169–2188. <https://doi.org/10.1080/00918369.2020.1733353>.
- Lovelock, Michael. 2018. "Gay and Happy: (Proto-)Homonormativity, Emotion and Popular Culture." *Sexualities* 22(4):549–565. <https://doi.org/10.1177/1363460718758666>.
- Madžarević, Goran, and Marija T. Soto-Sanfiel. 2018. "Positive Representation of Gay Characters in Movies for Reducing Homophobia." *Sexuality & Culture* 22(3):909–930. <https://doi.org/10.1007/s12119-018-9502-x>.
- Mazur, Michelle A., and Tara M. Emmers-Sommer. 2002. "The Effect of Movie Portrayals on Audience Attitudes about Nontraditional Families and Sexual Orientation." *Journal of Homosexuality* 44(1):157–179. https://doi.org/10.1300/j082v44n01_09.

- Mennel, Barbara Caroline. 2012. *Queer Cinema: Schoolgirls, Vampires and Gay Cowboys*. London: Wallflower.
- Mezey, Nancy J. 2008. "The Privilege of Coming Out: Race, Class, and Lesbians' Mothering Decisions." *International Journal of Sociology of the Family* 34(2):257–276.
- Moss, Kevin. 2013. "Straight Eye for the Queer Guy: Gay Male Visibility in Post-Soviet Russian Films." Pp. 197–220 in *Queer Visibility in Postsocialist Cultures*, edited by Nárcisz Fejes and Andrea P. Balogh. Chicago: Intellect.
- Moss, Kevin. 2017. "Russia as the Saviour of European Civilization: Gender and the Geopolitics of Traditional Values." Pp. 195–214 in *Anti-gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*, edited by Roman Kuhar and David Paternotte. London: Rowman & Littlefield.
- Mulhall, Anne. 2020. "Queer Narrative." Pp. 142–155 in *The Cambridge Companion to Queer Studies*, edited by Siobhan B. Somerville. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers, Kristen, and Laura Raymond. 2010. "Elementary School Girls and Heteronormativity: The Girl Project." *Gender & Society* 24(2):167–188.
- Ng, Eve. 2013. "A 'Post-Gay' Era? Media Gaystreaming, Homonormativity, and the Politics of LGBT Integration." *Communication, Culture & Critique* 6(2):258–283. <https://doi.org/10.1111/cccr.12013>.
- Page, Douglas. 2020. "Coming Out and Political Attitudes among Sexual Minorities." *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1241>.
- Phelan, Sean. 2019. "Neoliberalism, the Far Right, and the Disparaging of 'Social Justice Warriors.'" *Communication, Culture and Critique* 12(4):455–475. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcz040>.
- Raley, Amber B., and Jennifer L. Lucas. 2006. "Stereotype or Success? Prime-Time Television's Portrayals of Gay Male, Lesbian, and Bisexual Characters." *Journal of Homosexuality* 51(2):19–38. https://doi.org/10.1300/J082v51n02_02.
- Ross, Marlon. 2005. "Beyond the Closet as Raceless Paradigm." Pp. 161–189 in *Black Queer Studies: A Critical Anthology*, edited by E. Patrick Johnson and Mae G. Henderson. Durham, NC: Duke University Press.
- Sanz López, Josep Maria. 2018. "Shaping LGBTQ Identities: Western Media Representations and LGBTQ People's Perceptions in Rural Spain." *Journal of Homosexuality* 65(13):1817–1837. <https://doi.org/10.1080/00918369.2017.1390812>.
- Schiappa, Edward, Peter B. Gregg, and Dean E. Hewes. 2006. "Can One TV Show Make a Difference? *Will & Grace* and the Parasocial Contact Hypothesis." *Journal of Homosexuality* 51(4):15–37. https://doi.org/10.1300/J082v51n04_02.
- Song, Lin. 2021. "Entertainingly Queer: Illiberal Homonormativity and Transcultural Queer Politics in a Chinese Broadway Musical." *Feminist Media Studies* 21(1):18–34. <https://doi.org/10.1080/14680777.2019.1690019>.
- Thorne, Nat, Andrew Kam-Tuck Yip, Walter Pierre Bouman, Ellen Marshall, and Jon Arcelus. 2019. "The Terminology of Identities between, outside and beyond the Gender Binary—A Systematic Review." *International Journal of Transgenderism* 20(2–3):138–154. <https://doi.org/10.1080/15532739.2019.1640654>.
- Van Meer, Megan May, and Monique Maria Henriette Pollmann. 2022. "Media Representations of Lesbians, Gay Men, and Bisexuals on Dutch Television and People's Stereotypes and Attitudes about LGBs." *Sexuality & Culture* 26(2):640–664.
- Warner, Michael. 1991. "Introduction: Fear of a Queer Planet." Pp. 3–17 in *Fear of a Queer Planet: Queer Politics and Social Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Warner, Michael. [1999] 2000. *The Trouble with Normal: Sex, Politics, and the Ethics of Queer Life*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Winterton, Connor. 2020. "Representations of Gay, Lesbian and Queer Sex in Contemporary French and North American Cinema." PhD dissertation, Faculty of Arts, Design and Media, Birmingham City University.
- Wood, Mitchell J. 2004. "The Gay Male Gaze: Body Image Disturbance and Gender Oppression among Gay Men." *Journal of Gay & Lesbian Social Services: Issues in Practice, Policy & Research* 17(2):43–62. https://doi.org/10.1300/J041v17n02_03.

СПИСОК ИНТЕРВЬЮ (ИМЕНА ИЗМЕНЕНЫ)

ГЕТЕРОСЕСУАЛЬНЫЕ ИНФОРМАНТЫ:

Анна, 30 лет, Москва, 22 октября 2022 г.
 Василиса, 22 года, Москва, 6 ноября 2022 г.
 Вероника, 22 года, Москва, 7 ноября 2022 г.
 Светлана, 22 года, Москва, 9 ноября 2022 г.
 Валерий, 23 года, Москва, 3 ноября 2022 г.
 Михаил, 28 лет, Москва, 31 октября 2022 г.

КВИР-ИНФОРМАНТЫ:

Анна, 22 года, пансексуалка, Москва, 25 октября 2022 г.
 Ирина, 23 года, лесбиянка, Москва, 25 октября 2022 г.
 Ольга, 23 года, бисексуалка Москва, 26 октября 2022 г.
 Юлия, 24 года, бисексуалка Москва, 27 октября 2022 г.
 Елена, 22 года, лесбиянка, Москва, 5 ноября 2022 г.
 Иван, 29 лет, гей, Москва, 5 ноября 2022 г.
 Артемий, 30 лет, гей, Москва, 10 ноября 2022 г.
 Святослав, 22 года, гей, Москва, 12 ноября 2022 г.

“NOW THE DEMANDS ARE A LITTLE DIFFERENT”: RUSSIAN VIEWERS’ PERCEPTION OF QUEER CHARACTERS IN CINEMA

Daniil Alekseev, Maksim Malkov

Daniil Alekseev, independent researcher, Russia. dsalekseev@hse.ru.

Maksim Malkov, independent researcher, Russia. mdmalkov@universitas.ru.

We are grateful to Polina Kislitsyna for the advice and feedback she provided as we worked on this article.

The article investigates how young Russian viewers perceive nonheterosexual characters in movies and on television. We explore the following question: Which aspects of queer character representation are emphasized by young Russian viewers with both heterosexual and queer identities in the context of their own sexual experiences and the political context in which they reside? Using qualitative research methods, including semistructured interviews with 14 young individuals from Moscow, the study examines the relationship between viewers’ personal experiences and their interpretation of queer characters in movies and TV shows. We are interested in how viewers decode narratives about nonheterosexual characters in movies. Based on the concepts of heteronormativity and homonormativity, we identify two types of representation, which, however, are not universal. In different geographical and social contexts, these categories can be transformed and reflect different relationships between the political context and the experiences of the groups being represented. Heterosexual viewers critically address

heteronormative images that imply the subordination of queer characters, but are less critical of homonormative representation. In contrast, queer viewers criticize both types of representation, identifying discrepancies between film narratives and the reality of their lives. They express a desire for more authentic and diverse representations that move beyond common tropes of tragedy and otherness. Additionally, the study notes limitations of Western theoretical frameworks when applied to the Russian context. For instance, elements of homonormative representation marked as depoliticizing in the American context become politically charged in Russia.

Keywords: Representation; Myth; Heteronormativity; Homonormativity; Cinema; Queer; Media

REFERENCES

- Ahmed, Sara. 2010. *The Promise of Happiness*. Durham, NC: Duke University Press.
- Andreevskikh, Olga. 2023. "Discourses on Non-heteronormative Masculinities and Intimate Partner Violence: A Russian Media Case Study." *Journal of Family Violence*. <https://doi.org/10.1007/s10896-023-00614-7>.
- Avila-Saavedra, Guillermo. 2009. "Nothing Queer about Queer Television: Televised Construction of Gay Masculinities." *Media, Culture & Society* 31(1):5–21.
- Baer, Brian. 2009. *Other Russias: Homosexuality and the Crisis of Post-Soviet Identity*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bart, Roland. 2008. *Mifologii*. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Belousov, Evgenii. 2024. "Izdatel'stvo AST ob'iasnilo tsenzuru biografii Pazolini zapretom propagandy LGBT." *Kommersant*, April 25. <https://www.kommersant.ru/doc/6666162>.
- Bonds-Raacke, Jennifer M., Elizabeth T. Cady, Rebecca Schlegel, Richard J. Harris, and Lindsey Firebaugh. 2007. "Remembering Gay/Lesbian Media Characters: Can Ellen and Will Improve Attitudes toward Homosexuals?" *Journal of Homosexuality* 53(3):19–34. https://doi.org/10.1300/J082v53n03_03.
- Brennan, Joseph. 2019. "Introduction: A History of Queerbaiting." Pp. 1–25 in *Queerbaiting and Fandom: Teasing Fans through Homoerotic Possibilities*, edited by Joseph Brennan. Iowa City: University of Iowa Press.
- Duggan, Lisa. 2020. "The New Homonormativity: The Sexual Politics of Neoliberalism." Pp. 175–194 in *Materializing Democracy*, edited by Russ Castronovo and Dana D. Nelson. Durham, NC: Duke University Press.
- Edenborg, Emil. 2017. *Politics of Visibility and Belonging: From Russia's "Homosexual Propaganda" Laws to the Ukraine War*. London: Routledge.
- Eliason, Michele J. 2014. "An Exploration of Terminology Related to Sexuality and Gender: Arguments for Standardizing the Language." *Social Work in Public Health* 29(2):162–175. <https://doi.org/10.1080/19371918.2013.775887>.
- El-Tayeb, Fatima. 2012. "'Gays Who Cannot Properly Be Gay': Queer Muslims in the Neoliberal European City." *European Journal of Women's Studies* 19(1):79–95. <https://doi.org/10.1177/1350506811426388>.
- Evans, Caroline, and Lorraine Gamman. 2005. "The Gaze Revisited, or Reviewing Queer Viewing." Pp. 12–62 in *A Queer Romance: Lesbians, Gay Men and Popular Culture*, edited by Paul Burston and Colin Richardson. London: Routledge.
- Francis, Isabella. 2021. "Homonormativity and the Queer Love Story in *Love, Simon* (2018) and *Happiest Season* (2020)." *Women's Studies Journal* 35(1):80–93.
- Glenn, Clinton. 2021. "'We Are the New Lithuania': Deconstructing Queerness and Nationalism in Romas Zabarauskas' *You Can't Escape Lithuania* (*Nuo Lietuvos Nepabėgsi*) and *Porno Melodrama*." *Lambda Nordica* 25(3–4):54–78. <https://doi.org/10.34041/ln.v25.708>.
- Goltz, Dustin Bradley. 2009. *Queer Temporalities in Gay Male Representation: Tragedy, Normativity, and Futurity*. New York: Routledge.

- Gross, Larry. 1991. "Out of the Mainstream: Sexual Minorities and the Mass Media." *Journal of Homosexuality* 21(1–2):19–46. https://doi.org/10.1300/J082v21n01_04.
- Hall, Stuart. 1989. "Cultural Identity and Cinematic Representation." *Framework: The Journal of Cinema and Media* 36:68–81.
- Hall, Stuart. 1997. "The Work of Representation." Pp. 13–74 in *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, edited by Stuart Hall. Vol. 2. London: SAGE Publications.
- Hart, Kylo-Patrick. 2000. "Representing Gay Men on American Television." *Journal of Men's Studies* 9(1):59–79. <https://doi.org/10.3149/jms.0901.59>.
- Healey, Dan. 2022. "Afterword: Making Russia Queerer, or the Strange Paradox of President Putin's Incitement to Discourse." Pp. 191–199 in *Queering Russian Media and Culture*, edited by Galina Miazhevich. London: Routledge.
- Herek, Gregory M. 2003. "Why Tell if You're Not Asked? Self-disclosure, Intergroup Contact, and Heterosexuals' Attitudes toward Lesbians and Gay Men." Pp. 270–298 in *Psychological Perspectives on Lesbian, Gay, and Bisexual Experiences*, edited by Linda D. Garnets and Douglas C. Kimmel. New York: Columbia University Press.
- Hodson, Gordon, Hannah Harry, and Andrea Mitchell. 2009. "Independent Benefits of Contact and Friendship on Attitudes toward Homosexuals among Authoritarians and Highly Identified Heterosexuals." *European Journal of Social Psychology* 39(4):509–525.
- Hoffarth, Mark R., and Gordon Hodson. 2020. "Coming Out, Intergroup Relations, and Attitudes toward LGBT Rights." In *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Horvat, Anamarija, and Alice M. Kelly. 2023. "Representing Queerness: Modes, Manners and Methods." *Queer Studies in Media & Popular Culture* 8(3):255–263. https://doi.org/10.1386/qsmpc_00104_2.
- Jones, David, and Joanne C. Juett. 2010. *Coming Out to the Mainstream: New Queer Cinema in the 21st Century*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- Kondakov, Alexander. 2019. "The Censorship 'Propaganda' Legislation in Russia." Pp. 213–215 in *State-Sponsored Homophobia: Global Legislation Overview Update*. Geneva: ILGA World.
- Lane, Jennifer. 2021. "Using Queer Phenomenology to Disrupt Heteronormativity and Deconstruct Homosexuality." *Journal of Homosexuality* 68(13):2169–2188. <https://doi.org/10.1080/00918369.2020.1733353>.
- Lovelock, Michael. 2018. "Gay and Happy: (Proto-)Homonormativity, Emotion and Popular Culture." *Sexualities* 22(4):549–565. <https://doi.org/10.1177/1363460718758666>.
- Madžarević, Goran, and Marija T. Soto-Sanfiel. 2018. "Positive Representation of Gay Characters in Movies for Reducing Homophobia." *Sexuality & Culture* 22(3):909–930. <https://doi.org/10.1007/s12119-018-9502-x>.
- Mazur, Michelle A., and Tara M. Emmers-Sommer. 2002. "The Effect of Movie Portrayals on Audience Attitudes about Nontraditional Families and Sexual Orientation." *Journal of Homosexuality* 44(1):157–179. https://doi.org/10.1300/j082v44n01_09.
- Mennel, Barbara Caroline. 2012. *Queer Cinema: Schoolgirls, Vampires and Gay Cowboys*. London: Wallflower.
- Mezey, Nancy J. 2008. "The Privilege of Coming Out: Race, Class, and Lesbians' Mothering Decisions." *International Journal of Sociology of the Family* 34(2):257–276.
- Moss, Kevin. 2013. "Straight Eye for the Queer Guy: Gay Male Visibility in Post-Soviet Russian Films." Pp. 197–220 in *Queer Visibility in Postsocialist Cultures*, edited by Náracsz Fejes and Andrea P. Balogh. Chicago: Intellect.
- Moss, Kevin. 2017. "Russia as the Saviour of European Civilization: Gender and the Geopolitics of Traditional Values." Pp. 195–214 in *Anti-gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*, edited by Roman Kuhar and David Paternotte. London: Rowman & Littlefield.
- Mulhall, Anne. 2020. "Queer Narrative." Pp. 142–155 in *The Cambridge Companion to Queer Studies*, edited by Siobhan B. Somerville. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers, Kristen, and Laura Raymond. 2010. "Elementary School Girls and Heteronormativity: The Girl Project." *Gender & Society* 24(2):167–188.

- Ng, Eve. 2013. "A 'Post-Gay' Era? Media Gaystreaming, Homonormativity, and the Politics of LGBT Integration." *Communication, Culture & Critique* 6(2):258–283. <https://doi.org/10.1111/cccc.12013>.
- Nikiforova, Viktoriia. 2023. "V SShA opravdyvaiut massovoe ubiistvo detei 'ocharovatel'neishim sushchestvom.'" RIA Novosti, March 31. <https://ria.ru/20230331/ssha-1861957798.html>.
- Page, Douglas. 2020. "Coming Out and Political Attitudes among Sexual Minorities." *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1241>.
- Palii, Violetta. 2023. "Samotsenzura, shtrafy, apeliatsii: Chto proiskhodit s onlain-kinoteatrami poslezakonao' LGBT-propagande.'" *Kinopoisk*, July 28. <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4008153/>.
- Phelan, Sean. 2019. "Neoliberalism, the Far Right, and the Disparaging of 'Social Justice Warriors.'" *Communication, Culture and Critique* 12(4):455–475. <https://doi.org/10.1093/ccc/tcz040>.
- Pronkina, Elena. 2016. "Osobnosti LGBT-diskursa v rossiiskikh media, initsiirovannogo diskussiiami o regulirovanii seksual'nosti." *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 14(1):71–86.
- Raley, Amber B., and Jennifer L. Lucas. 2006. "Stereotype or Success? Prime-Time Television's Portrayals of Gay Male, Lesbian, and Bisexual Characters." *Journal of Homosexuality* 51(2):19–38. https://doi.org/10.1300/J082v51n02_02.
- Rikel, Alexander. 2020. "Sotsial'nye predstavleniia o gomoseksual'nosti u raznykh pokolenii sovremennykh rossiian." *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serii 14. Psikhologiya* (4):110–134. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.06>.
- Ross, Marlon. 2005. "Beyond the Closet as Raceless Paradigm." Pp. 161–189 in *Black Queer Studies: A Critical Anthology*, edited by E. Patrick Johnson and Mae G. Henderson. Durham, NC: Duke University Press.
- Sanz López, Josep Maria. 2018. "Shaping LGBTQ Identities: Western Media Representations and LGBTQ People's Perceptions in Rural Spain." *Journal of Homosexuality* 65(13):1817–1837. <https://doi.org/10.1080/00918369.2017.1390812>.
- Schiappa, Edward, Peter B. Gregg, and Dean E. Hewes. 2006. "Can One TV Show Make a Difference? *Will & Grace* and the Parasocial Contact Hypothesis." *Journal of Homosexuality* 51(4):15–37. https://doi.org/10.1300/J082v51n04_02.
- Song, Lin. 2021. "Entertainingly Queer: Illiberal Homonormativity and Transcultural Queer Politics in a Chinese Broadway Musical." *Feminist Media Studies* 21(1):18–34. <https://doi.org/10.1080/14680777.2019.1690019>.
- Thorne, Nat, Andrew Kam-Tuck Yip, Walter Pierre Bouman, Ellen Marshall, and Jon Arcelus. 2019. "The Terminology of Identities between, outside and beyond the Gender Binary—A Systematic Review." *International Journal of Transgenderism* 20(2–3):138–154. <https://doi.org/10.1080/15532739.2019.1640654>.
- Van Meer, Megan May, and Monique Maria Henriette Pollmann. 2022. "Media Representations of Lesbians, Gay Men, and Bisexuals on Dutch Television and People's Stereotypes and Attitudes about LGBs." *Sexuality & Culture* 26(2):640–664.
- Warner, Michael. 1991. "Introduction: Fear of a Queer Planet." Pp. 3–17 in *Fear of a Queer Planet: Queer Politics and Social Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Warner, Michael. [1999] 2000. *The Trouble with Normal: Sex, Politics, and the Ethics of Queer Life*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Winterton, Connor. 2020. "Representations of Gay, Lesbian and Queer Sex in Contemporary French and North American Cinema." PhD dissertation, Faculty of Arts, Design and Media, Birmingham City University.
- Wood, Mitchell J. 2004. "The Gay Male Gaze: Body Image Disturbance and Gender Oppression among Gay Men." *Journal of Gay & Lesbian Social Services: Issues in Practice, Policy & Research* 17(2):43–62. https://doi.org/10.1300/J041v17n02_03.